

Ингеборга Габриэль

РАЗНЫЕ ДОСТОИНСТВА?

КАК НЕДОРАЗУМЕНИЯ ВЛИЯЮТ НА ЦЕРКОВНУЮ ПОЛИТИКУ

Название текущей сессии («Единое христианское понимание человеческого достоинства?») явно ставит под сомнение наличие единого христианского понимания человеческого достоинства. Иначе говоря, оно указывает на то, что церкви могут понимать и действительно понимают «достоинство» по-разному, особенно церкви Запада и Востока.

Я попробую показать, что это расхождение в понимании достоинства основано на недоразумении, которое легко прояснить с точки зрения как этики, так и богословия, которое часто привлекают для обоснования церковных аргументов. Поскольку эта продолжительная полемика играет важную роль не только для церковных, но и для политических общественных позиций, а также, похоже, имеет экуменическое значение, такое прояснение может помочь смягчить конфликты на всех трёх этих уровнях: церковном, политическом и экуменическом. Хотя нижеследующий аргумент представляется ясным, не так-то легко (надо быть реалистами) устранить разногласия, скопившиеся на политическом и церковном уровнях в последние десятилетия, поскольку эти разногласия стали основой

церковного самосознания, формирующего, во всяком случае до некоторой степени, своеобразие различных церквей по отношению к обществу и политике. Иными словами, они стали маркерами идентичности, входящими в различные христианские мировоззрения в их отношении к современности, так что рассматривать их, вероятно, следует не только посредством богословских и философских аргументов, но и на гораздо более широком фоне того, что представляет собой современность¹.

В замечательном вступлении к лекции, прочитанной Сергием Булгаковым в 1934 году, он сравнивает современную эпоху со сфинксом². У сфинкса прекрасное человеческое лицо, а именно лицо женщины, как и её тело спереди, тогда как сзади — тело животного. Итак, современность имеет одну человеческую сторону, равно как и весьма грубую другую. Другими словами, она крайне двусмысленна, с чем, пожалуй, мы согласимся. Известно, что это мифическое существо, сфинкс, стоя перед античными Фивами, задавало всем прохожим вопросы и пожирало тех, кто не отвечал. Таким образом, можно сказать — и именно это имеет в виду Булгаков, — что всякий, кто не отвечает на вопросы современности, и всякая церковь, которая не задаётся

¹ Подробнее см.: Ingeborg Gabriel, «Political Theology under the conditions of modernity: A catholic perspective», in: Ingeborg Gabriel / Kristina Stoeckl / Aristotle Papanikolaou (Hrsg.), *Political Theologies in Orthodox Christianity. Common Challenges — Divergent Positions* (T & T Clark: London 2017), pp. 55–74.

² Sergej Bulgakov, *Social Teaching in Modern Russian Orthodox Theology* (Seabury-Western Theological Seminary: Evanston 1934), p. 10.

этими вопросами, будут поглощены, т.е. поддадутся секуляризации. Я убеждена, что это отсутствие ответов — в гораздо большей мере причина секуляризации, чем зло и негативные стороны современности. Хочу также подчеркнуть, что права человека, безусловно, принадлежат к человеческой части сфинкса, т.е. современности. Конечно, можно это обсуждать, но обратная сторона современности, её грубая сторона, включает такие вещи, как тоталитаризм и прогрессизм.

Я представлю свою аргументацию в три шага:

1. Евромайдан, или Революция Достоинства, — каково её понимание достоинства?
2. Борьба за достоинство: между нравственностью, правами человека и политикой.
3. Почему церкви разошлись во взглядах на этот вопрос и что с этим делать.

Шаг 1. Революция Достоинства — каково её понимание достоинства?

Поскольку мы собрались здесь, чтоб отметить и даже отпраздновать пятую годовщину революции на Майдане в Киеве, названной Революцией Достоинства, это слово тут, в Киеве, имеет конкретный контекст, придающий ему особое значение. Вместе с тем это значение связано с другими контекстами, равно как и правовыми документами, философскими и богословскими спорами. Таким образом, термин «достоинство» является центральным для международного правового

урегулирования прав человека, созданного после Второй мировой войны и опыта тоталитарных режимов нацизма и сталинизма. Всеобщая декларация прав человека 1948 года (в прошлом году мы праздновали её семидесятилетие) начинается в своей преамбуле со слов, которые стоит процитировать целиком, потому что именно этот и дальнейшие документы международного права вдохновили Революцию Достоинства:

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...³

Подобным образом провозглашает в своей первой статье немецкая Конституция: «Die Würde des Menschen ist unantastbar. Sie zu achten und zu schützen

³ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (прим. ред.).

ist Verpflichtung aller staatlichen Gewalt (Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважение и защита его является обязанностью всех государственных органов)».

Нет сомнения, что украинская Революция Достоинства ориентировалась именно на это правовое определение достоинства. Люди на Майдане протестовали, отстаивая права человека, т.е. свободу и социальные права, верховенство права и перемену политического режима в соответствии с международным правом и правовыми положениями Европейского Союза. (Похожие события происходили в 2011–2012 годах в арабском мире — так называемая «арабская весна», где тоже звучал лозунг «достоинства».)

Отсюда можно сделать вывод, что в нынешнем международном и европейском контекстах понятие «достоинство» имеет вполне конкретное значение, охватывающее равенство всех перед законом, свободу слова, свободу религии, свободу собраний и т.д., т.е. классическую свободу и право участия, как о них сказано в международных и европейских правовых документах.

Это не исключает важности локального контекста, в частности, украинской ситуации. Как справедливо отмечал американский еврейский философ Майкл Вальцер, когда мы видим на телеэкране демонстрантов в Китае, Чехословакии или в какой-нибудь другой стране с плакатами, на которых написано «справедливость» или «свобода» (и, можно добавить, «достоинство»), мы в общем знаем, чего хотят эти люди и почему они готовы принять участие в этих демонстрациях, хотя это может стоить им жизни. Но не будучи на их месте, мы лишь частично поймём их политические требования и вряд ли сможем ответить на вопрос, как эти

требования можно осуществить политически⁴. Так, украинские демонстранты желали положить конец коррумпированному олигархическому правлению, ограничить российское влияние и присоединиться к Европейскому Союзу (но, в духе моего примера, это только на взгляд наблюдателя, и некоторые из присутствующих здесь, возможно, хотели бы добавить другие мотивы).

Впрочем, «достоинство» в этом контексте явно означает достоинство граждан, восставших против угнетения и за свободу для себя и своих детей, правовым выражением которой служили конституционные права, основанные на правах человека. Достоинство здесь — фундаментальная категория, коренящаяся в идее современного либерального политического строя, который опирается на права человека и осуществляется в эффективной демократии.

Шаг 2. Борьба за достоинство: между нравственностью, правами человека и политикой.

Прошло пять лет, и мы внимательно изучаем успех Революции Достоинства. Иначе и быть не может. Как показала Ханна Арендт в блестящем эссе «Свобода быть свободным»⁵, опубликованном вскоре после её смерти, успех и последствия революции (она

⁴ Michael Walzer, *Thick and Thin. Moral Argument at Home and Abroad* (University of Notre Dame Press: Notre Dame 1994), p. 1.

⁵ Hannah Arendt, «The Freedom to be free». In: *Thinking without a Banister: Essays in Understanding*, vol. 11 (Schocken Books New York 2018).

сравнивает Американскую и Французскую революции (1778 и 1789 годов) зависят от факторов исторического и социального контекста, равно как и от нравственности народа на данный момент. Арндт в этом тексте подчёркивает материальные условия, утверждая, что бедность народных масс во Франции, отличная от таковой в Соединённых Штатах Америки, привела к вспышке насилия после революции. Однако есть и другие факторы, действенность которых зависит от политических лидеров, возглавивших народ, их политической зрелости, равно как и от прежнего уровня репрессий в стране, образованности масс и экономической ситуации. Всё это играет решающую роль в успехе или поражении революции.

Итак, нравственные установки и практика отдельных граждан по завершении революции играют решающую роль и являются главной предпосылкой формирования эффективного правления, основанного на конституции. Политическая философия исследовала это с самого начала. В «Государстве» Платона — первом в западной философии трактате о различных формах правления — именно нравственное состояние граждан определяет конкретную форму правления (тирания, демократия, олигархия, тимократия, аристократия), благодаря которой их нравственность постепенно меняется (интересно, что Платон видит различие в нравственности сыновей и отцов!). Аристотель следует здесь за Платоном: хороший и добродетельный гражданин — основа хорошего и справедливого полиса. Эта мысль удержалась донныне в католическом социальном учении и в современной республиканской моральной философии (где кантианская линия мысли, развитая

другими политическими мыслителями, носит в большей степени социо-технический и рационалистический характер).

Как это касается понятия достоинства? Правовая точка зрения, кратко намеченная на первом шаге, и принципы международного права основаны на универсалистском понятии достоинства как *присущего* каждому человеку качества. Ничья физическая и ментальная целостность не может быть нарушена произволом и притеснениями со стороны политических деятелей и государственных организаций, а это в первую очередь означает, что в государстве должны существовать конституционные и другие законы, основанные на правах человека, обязывающие политические органы действовать соответственно и имеющие поддержку независимой судебной системы. Второе понятие достоинства носит нравственный характер: людям следует поступать достойно, как нравственным деятелям, ибо это основа или, можно сказать, ахиллесова пята конституционного строя. В этом смысле достоинство является также нравственным понятием.

Из рассмотрения этих двух понятий достоинства очевидно, что нет смысла отделять правовое измерение достоинства от нравственного, так как на практике они дополняют друг друга. В политической мысли Нового времени, в частности в кантианской традиции, есть тенденция строго разделять их с целью повысить статус свободы. Здесь я не могу говорить об этом подробнее, однако и социальные исследования, и давняя традиция католического социального учения показывают, что для хорошей государственности нужно и то, и другое. То же самое подсказывает и здравый смысл. Как

выразился английский писатель межвоенного периода Клайв С. Льюис, хорошему флоту нужны корабли в хорошем состоянии⁶. Выражая это на языке темы нынешней конференции, достоинство в политическом и правовом порядке эффективно реализуемо только при наличии широко распространённой нравственности народа, т.е. достойного и порядочного поведения значительного количества членов общества и политиков. Элиты (или, словами Макса Вебера, «Trägerschichten», «опорные слои») играют здесь важную роль. Значительная часть сегодняшних политических болезней связана с безнравственностью политических элит, но и населения также, предпочитающего популистские лозунги серьёзной политической работе. Таким образом, в современном обществе закон и мораль взаимосвязаны: законы могут способствовать нравственным установкам, а последние оказывают влияние, особенно в демократиях, на законы, принимаемые законодательной властью. Возьмём пример коррупции: если институция коррумпирована, это неустранимо одними лишь суровыми юридическими мерами. Должно измениться поведение, иначе коррупционеры найдут новые способы добывать деньги, а закон всегда будет отставать. И если коррупция распространена среди множества людей, с ней трудно бороться из-за огромного сопротивления. То же касается и силовиков. Невозможно при каждом полицейском поставить другого полицейского-контролёра.

⁶ C. S. Lewis, *Mere Christianity* (San Francisco 2000 (Original 1952)), p. 71.

Шаг 3. Почему церкви разошлись во взглядах на этот вопрос и что с этим делать

Нет нужды повторять здесь историю вопроса. Некоторые документы православных церквей, в частности РПЦ, подчёркивают нравственное измерение достоинства, всё больше противопоставляя его измерению прав человека. Впрочем, это означает, что все люди не могут иметь равного достоинства, поскольку принадлежат нравственному порядку и, будучи грешными, руководствуются весьма различными нравственными нормами. Очевидным образом это справедливо о каждом из нас. Однако это лишь косвенно относится к правовому понятию достоинства, которое по определению принадлежит всем, кто живёт в государстве, что подразумевает, что им нельзя произвольно наносить вред политическими средствами, такими как пытки, тюремное заключение, лишение свободы собраний, взглядов и т.п. Мы можем и даже должны обсуждать вопрос о том, какая форма управления лучше для людей, которые всегда подвержены ошибкам и в этом смысле грешны⁷. И здесь возможный ответ (характерный для богословов и философов, склонных к пессимистическому взгляду на человеческую природу, как, например, Томас Гоббс) заключается в том, что избыток свободы провоцирует людей бороться друг с другом, а значит, нужны суровые меры против аморального, в этом примере главным образом насильственного, поведения. Однако церковный

⁷ О разнообразии православных позиций в этом вопросе см.: Kristina Stoeckl, Ingeborg Gabriel, Aristotle Papanikolaou (Hrsg.), *Political Theologies in Orthodox Christianity. Common Challenges — Divergent Postions* (T & T Clark: London 2017).

дискурс и расхождения между церквями вращаются вокруг весьма ограниченного типа преступлений, преимущественно в области сексуальной этики (гомосексуальность, однополые браки, аборт, преступления на сексуальной почве, а также права родителей и женщин). Конечно, можно согласиться, что достойное поведение *in sexualibus* является частью достойного поведения в целом. Но, как я показывала в других работах, ставить это поведение в центр христианской морали или даже ценностей не представляется оправданным шагом: оно никогда не занимало центрального места в Библии и традиции, гораздо более сосредоточенных на справедливости правовых процедур (Ветхий Завет), справедливости и ненасилию в ежедневном общении между людьми (Новый Завет). Таким образом, новое понятие «христианских ценностей» скорее является частью новой правой политической идеологии, сосредоточенной на этих горячих вопросах культурных войн, чем частью всеобъемлющего понятия библейской и традиционной этики, поскольку эта идеология склонна пренебрегать более важными нормами, ценностями и добродетелями, которые на самом деле стоят в центре христианской морали и личного достоинства, такими как миролюбие, миротворчество, помощь бедным и т.п.

Один из узловых пунктов этих дискуссий — рассмотренное здесь различие между правовым и нравственным аспектами человеческого достоинства. Думаю, я прояснила, что они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Споры разгораются скорее по вопросу соотношения прав человека и традиционных ценностей — тема, порождающая разлад в экуменических беседах. Аргументация здесь проста: этика (и биоэтика)

как главное выражение человеческого достоинства связана с сексуальностью; поскольку мы расходимся в этом вопросе, этика является препятствием для христианского единства. Но на самом деле в традиции и в Библии христианская этика гораздо шире: речь идёт о двух различных и взаимодополнительных понятиях достоинства⁸. Удивительно чётко разбирает это Фома Аквинский, великий богослов XIII века и католический церковный доктор. Человеческое достоинство фактически охватывает три измерения (я здесь не касаюсь эсхатологии): все люди равны в достоинстве, поскольку все созданы по образу Божию. Это — достоинство по творению (*creationis*). В течение жизни человек должен быть воссоздан своими делами и по благодати Божьей. Это *re-creatio* означает динамическое нравственное развитие, в котором люди (включая христиан) не равны. Это подобно тому, что православная традиция называет *теозисом*. Наконец, человеческое достоинство станет полным только по завершении жизни, когда мы, как надеемся, достигнем полноты нашего человеческого совершенства как индивиды⁹.

Понятие человеческого достоинства в этих различных формах составляет и основу, и наивысший

⁸ В этом смысле следует поставить под сомнение так называемый «Экуменизм 2.0», сосредоточенный на сексуальной этике и биоэтике. Эти вопросы должны обсуждаться в русле христианской этики, но она не может ставить их в центр. См.: «Ökumene 2.0. Zwischen Ökumene und Anti-Ökumene» in: *Religion & Gesellschaft* 46 (2018).

⁹ Thomas von Aquin, *Summa theologica*, vollständige deutsch-lateinische Ausgabe, Gemeinschaftsverlag: Regensburg 1933–1961, I, q. 93, a. 4.

принцип католического социального учения. Здесь его всегда понимают в этих измерениях, которые, таким образом, не следует противопоставлять друг другу. Богословские учения всех церквей всегда настаивали на том, что христиане должны вести достойную, т.е. нравственную жизнь, соблюдая заповеди Христовы и показывая яркий пример для своих сограждан. Впрочем, христианское богословие также всегда подчёркивало то, что люди равны в достоинстве, ибо созданы Богом и по Его образу. Но идея трансформировать это понятие равенства в права принадлежит эпохе Нового времени: она зародилась в поздней испанской схоластике XV–XVI веков и в философии Просвещения, создавшей основу современного либерального политического строя¹⁰.

Спор о различных понятиях достоинства может быть топосом церковной политики, но эти понятия нельзя противопоставлять друг другу на основании христианской веры и/или христианского богословия.

Спасибо вам за внимание.

¹⁰ Подробно см.: Ingeborg G. Gabriel, *Ethik des Politischen. Grundlagen — Prinzipien — Konkretionen* (Echter: Würzburg 2020), особенно главы 2 и 3.